

Глава 3. Голод и еда

1. ПАЙКА

Биополитика. Система питания японских военнопленных осуществлялась согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР и начальника тыла Красной армии № 001117/0013 от 28 сентября 1945 г., в котором объявлялись так называемые нормы продовольственного снабжения. По объявленным нормам рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав японских военнопленных должны получать на человека в день: хлеба — 300 г, получищенного риса — 300 г, крупы или муки (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых) — 100 г, мяса — 50 г, рыбы — 100 г, овощей свежих или соленых — 600 г, мисо (приправа к кушаньям из бобов) — 30 г, сахара — 15 г, соли — 15 г, чая — 3 г [Военнопленные: 391].

Указанный выше перечень продуктов не просто иллюстрирует биополитику МВД, но также, по словам Элиаса Канетти, отчетливую связь переваривания и власти [Канетти: 239]. Обилием круглых цифр он напоминает передовые статьи газеты «Правда». Приведенные здесь нормы, возможно, выполнялись в каком-нибудь лагере какое-то время, но трудно поверить, что они ежедневно доходили до потребителя в тех же размерах.

Конечно, выполнение приказов на местах зависело и от того, кто отвечал за эти вопросы в конкретном лагере. Так, руководство Дальстроя старалось придерживаться данных норм, и в отделении лагерей японских военнопленных Ха 855-д они практически соответствовали приказам № 001117/0013 от 28 сентября 1945 г. и № 450 от 15 ноября 1946 г. Однако нормы выполнялись не по всем позициям и в конце концов сводились к выдаче овощей и картофеля, которыми, кстати, полностью тогда не обеспечивалось и вольнонаемное население Колымы. Поэтому в лагерях японских военнопленных рядовому составу предполагалась выдача в день 500 г картофеля и 300 г овощей, а офицерскому составу — только 400 г картофеля и 200 г овощей [Военнопленные: 435]. Так соблюдался классовый подход, усиливаемый демократической пропагандой, целью которой являлось воспитание японских солдат в симпатии к Советскому Союзу и его идеологии.

Уже 13 ноября 1945 г. заместитель министра НКВД С. Круглов подписал директиву о включении в меню национальных блюд [Военнопленные: 232]. 28 декабря

1945 г. был подписан приказ о снабжении японских военнопленных более привычной для них едой. Выполняя его, администрация в смешанных лагерях должна была кормить японских военнопленных иначе, чем пленных немцев, румын, венгров, что создавало дополнительные сложности. В этом жесте, навстречу вкусовым предпочтениям пленных, при готовности эксплуатировать их максимально, отражается основной характер биополитики советского государства. Фальшь пропагандистской полуправды не исчезла вместе с сталинскими лагерями. Она и позже воспроизводилась из уст чиновников военного ведомства, утверждавших, что в лагерях для японских военнопленных соблюдались все их национальные обычаи и праздники, практиковались самоуправление и самообслуживание, работала художественная самодеятельность, выпускались свои газеты, создавались клубы по интересам. Между тем, далеко не во всех лагерях кормили японскими блюдами. По воспоминаниям Н. Гаген-Торн, когда она, уже спецпоселенка, пригласила в гости г-на Хасэда и угостила его рисом, он признался, что не видел рис семь лет [Гаген-Торн: 385]. Археолог К. Като удивился, когда узнал об этом приказе, в его лагерях, находившихся недалеко от Братска, он не видел рис 4 года и 10 месяцев: нам ежедневно давали неочищенный гаолян, и мы сами его чистили и долго варили, прежде чем он становился съедобным [ПМА. Январь 2006 г. Токио].

После высокой смертности пленных зимой 1945–1946 гг., когда погибла почти десятая часть пленного японского контингента, даже руководству МВД стало ясно, что «для работающих японцев паёк в 2397 калорий оказался недостаточным» [Военнопленные: 241] и для борьбы с высокой смертностью пленных необходимо их лучше кормить. Полагаю, что на практике пленные получали существенно меньше калорий, чем та цифра, что была подсчитана в Москве. Исаму Фудзита, работавший в лагере в Красноярском крае, запомнил как основной рацион 300 или 350 грамм хлеба и гречневую кашу. Иногда — немножко сливочного масла [ПМА. Январь 2006 г. Йокогама].

Японцы любят рис, поэтому нам выдавали эту пищу, которая была в то время в России на вес золота. Хотя риса нам давали немного, иногда, прикинувшись японцем, за рисом приходил немецкий солдат. Но ему сильно доставалось за это.

Все-таки зависть к чужой тарелке везде одинакова. Из-за того, что японские порции выглядят больше, немцы бросают на них злобные взгляды. У них — хлеб и похлебка, а у японцев — рисовая каша, суп «мисо» и прочее [Киути: сайт].

Последующий приказ № 450 от 15 ноября 1946 г. министра МВД СССР С.И. Круглова внес изменения в систему питания японских военнопленных. Теперь для них устанавливались специальные нормы, в которых предлагалось для стимулирования производительности труда выдавать хлеб, крупы и картофель в зависимости от выполнения норм выработки в следующих количествах на одного человека в сутки: для вырабатывающих до 80% нормы: хлеба — 250 г, риса и крупы — 350 г, картофеля и овощей — 600 г; для вырабатывающих от 80 до 100% нормы, а также для занятых на внутренних работах: хлеба — 300 г, риса и крупы — 450 г, картофеля и овощей — 700 г; для вырабатывающих от 101 до 125% нормы: хлеба — 350 г, риса и крупы — 500 г, картофеля и овощей — 800 г; для вырабатывающих от 125% нормы и выше: хлеба — 450 г, риса и крупы — 550 г, картофеля и овощей — 1000 г.

Кроме этого были введены нормы суточного довольствия для рядового и унтер-офицерского и отдельно для офицерского состава. По этим нормам рядовым и

унтер-офицерам полагалось в день: хлеба — 350 г, риса — 300 г, крупы — 150 г, мяса — 50 г, овощей или картофеля — 800 г, рыбы — 150 г, сахара — 18 г, мисо — 30 г, соли — 20 г, чая — 3 г. Офицерский состав должен был получать столько же риса, соли и чая, сколько рядовые и унтер-офицеры. В отношении других продуктов офицерскому составу полагалось: хлеба — 300 г, крупы — 100 г, мисо — 50 г, рыбы — 80 г, мяса — 75 г, сахара — 30 г, овощей — 600 г и, кроме того, сухофруктов — 10 г, жиров животных — 20 г и 15 шт. сигарет [Военнопленные: 435]. Если в первое время офицеры получали немного больше, чем рядовые, то позже, когда индоктринация набрала обороты, бывшие офицеры стали получать немного меньше рядовых.

Но 1946 и 1947 гг. были в СССР неурожайными, и многие принятые резолюции об улучшении питания остались на бумаге не только из-за бюрократической волокиты и воровства на местах, но отчасти и по объективным причинам.

Как отмечали многие бывшие интернированные, недоедание заключенных было вызвано нехваткой еды в целом, голодно было не только в лагере, но и по всей стране. СССР жил по карточной системе, и советские граждане, что охранники, что местные, часто питались не намного лучше заключенных. Во многих текстах проговаривается, что местное население также голодало, что подчас некоторые из них не имели и той пайки, что была у пленных. На рисунке Такэути советский солдат спрашивает у пленных: *каша есть?* И автор недоуменно фиксирует:

Я думал, что конвоирам всегда хватало еды. Но иногда приходят из лагеря конвоиры с котелками и стоят, когда мы делим еду. Солдат победившей страны просит еду у пленников, солдат проигравшей страны. Так странно, что ему не стыдно [Такэути: 146].

Следует помнить, что к 1945 г. не все благополучно с продовольствием было и в самой Японии, вся экономика которой была мобилизована на войну, и, чтобы прокормить многомиллионную армию, гражданскому населению надо было затягивать пояса. Уже с 1940 г. в Японии в местах общественного питания было запрещено подавать рис. За 1937 г. потребление молока одним японцем составляло 2,9 сё (1 сё – 1,804 л), мяса — 622 моммэ (1 моммэ — 3,75 г), яиц — 49 [Мещеряков 2009: 278–279].

Гарантированная пайка и большая пайка. Питание военнопленных, как и заключенных, зависело от того, насколько выполнена норма. Часто имело значение не сколько выработано, а то, как составлен отчет, какие были личные отношения с нормировщиком, покладистость работодателя. Основной рацион хлеба, выдаваемый заключенным, вырабатывающим не менее 75% нормы, назывался гарантированной пайкой [Росси: 78].

Как уже отмечалось, суточный рацион различался у передовиков и тех, кто плохо работал (рис. 17). Тем, кого отправляли в командировку, выдавался сухой паек

— суточная норма хлеба, в среднем весившая от 400 до 800 г. Кроме гарантийной пайки были урезанная карцерная, а также добавочная стахановская. На архивном рисунке четко видны размеры пайки в зависимости от нормы выработки: на нижней полке пайка хлеба для тех, кто выполняет норму на 80 %, на средней полке — на 100 % и на верхней полке — на 125 % [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 135. Л. 79].

Про коварство дополнительной пайки говорит поговорка: не маленькая пайка губит, а большая. Об этом писали многие знатоки ГУЛАГа: скорее погибает тот, кто очень тяжело работает ради дополнительного пайка. Дополнительный хлеб не компенсирует физические затраты, которые уходят на то, чтобы его заработать.

Есть список, в котором зафиксировано, сколько граммов еды полагается по процентам нормы. Не все ясно поняли норму, или начальники нас обманывали. Сложно было выработать больше 100 %. Но все старались работать больше и исхудали. Если не получалось в месяц 100 %, то еду урезали [Ооути: 89].

Годы плена — прежде всего голодные годы. В рассказах военнопленных о еде, как правило, упоминания о ее малом количестве и сомнительном качестве.

6 ноября мы пришли в порт. Кормят нас раз в день — только суп мисо, рис и консервированная морская капуста [Ватанабэ: 138].

Котелок из г. Маока стал печкой. Консервная банка стала дымовой трубой. Рис был с насекомыми красного цвета, и мы ели красный рис [Ватанабэ: 146].

По утрам нам давали гаолян с кожурой, маленький рисовый шарик и суп, больше похожий на воду. Этого было недостаточно даже для завтрака, поэтому многие из нас съедали утром и тот хлеб, что предназначался для обеда. Так что во время обеда мы отворачивались от тех, кто гордо ел тонкие куски ржаного хлеба, которые они сохранили. На ужин нам давали суп, немного крупы и такой же маленький шарик риса, как и на завтрак. Октябрь 1945 г. [Ёсида: 88].

Вновь Ватанабэ обстоятельно описывает ситуацию и как опытный полицейский составляет отчет.

Норма была 3 кубометра на двоих. Советская сторона, если мы выполняем больше нормы, дает нам больше продуктов. Японские: мы голодные, так больше работать не можем. 2 кубометра на человека — не очень тяжело. Русские постепенно требуют больше. Мы решили не рубить больше 3 кубометров. *Быстро надо, понимаете, японские пленные? Японский пленный: если так быстро работать, через пять минут мы упадем.*

Красная армия использовала наше чувство голода. Наша норма постепенно увеличивалась. В конце ноября норма стала не 3, а 6 кубометров. А это уже тяжело. Мы хотели сохранить норму в 3 куба, но несколько людей перевыполняли план, чтобы получать больше хлеба. *Два японца нарубили 11 кубометров, и русские им дали много селедки и хлеба.* Конец ноября. Пошел снег. Очень холодно и голодно. Если бы нам давали рис, то мы бы нарубили больше 10 кубометров. Но мне кажется, тогда у советских людей для себя продуктов не хватит, значит, это все равно невозможно [Ватанабэ: 178–180].

Зарплату нам давали овсяной крупой или гаоляном. По утрам выдавали обед и завтрак. Завтрак мы съедали сразу, а обед — 300 грамм хлеба — днем. Многие сразу съедали все утром. Другие обед откладывают до ужина. Мы слабели с каждым днем. *Это съедобно? — Это листья чернобыля. Два дня варили. Наверное, можно съесть. Все каждый день что-то варят. Сухие грибы или листья чернобыля. Это овсяная крупа из Сан-Франциско. Великая страна. Это очень вкусно с сахаром. Но мало крупы* [Ватанабэ: 188].

Черный хлеб. Когда голодаешь, в мозгу тоже пусто. По ночам мне снятся сны только о том, что кушаю досыта, что получил кусок хлеба, что пожираю хлеб [Хисанага: 24].

Долгожданный хлеб на обед. Но он замерз, и есть его невозможно. Мы разогрели его над костром, наколов на ветку [Ооути: 69].

Мечта пленных была одна — хлеб, 2 800 г. После войны цена хлеба на черном рынке была 400 рублей за буханку. После деноминации — 15 рублей старыми. Случайно у меня оказалось 20 руб. Я мечтал о хлебе. Зашел в магазин и попросил мадам продать хлеб. *Мадам, хлеба давай-давай.* Мне продали хлеб [Ватанабэ: 310].

Перебирали картофель всегда на складе. На эту работу отправляли тех, кто уже не справлялся с тяжелым трудом, или больных. Подключив к железному ведру электричество, можно было сварить и поесть картошки. Хорошая это была работа [Киути: сайт].

Организовали группу рыбаков. Если ловили рыбу, которая не засчитывалась как зарплата, пленным разрешали ее съесть. Мы все могли есть рыбу в достаточном количестве [Ооути: 124].

Японцам нужен рис. Рис — это очень вкусно! Хочу наестся. Хочу скорее домой. В Японии можно наестся белого риса [Ватанабэ: 257].

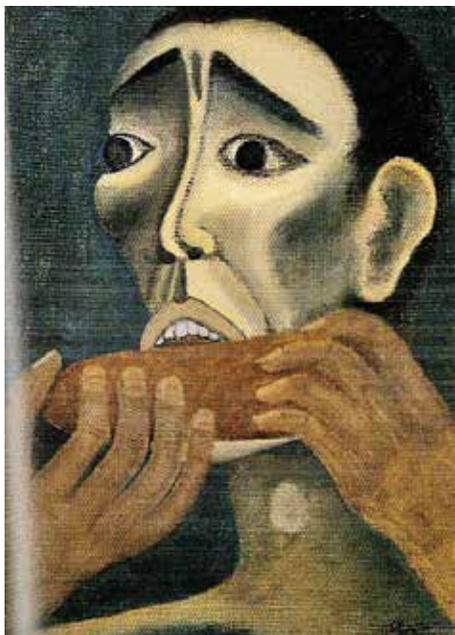
Когда есть рис,
вкус белого риса
соединяется со вкусом слез [Уэцухара «На» (1)].

Фотографии и рисунки столовой и кухни. На одной из фотографий из газеты «Нихон синбун», о которой подробнее будет ниже, изображены повара и контролирующий их инспектор. Видны буханки хлеба, картошка, большие рыбы и онигири. Фотографии кухни отражают будто вполне сытую жизнь, но сколько именно хлеба получит человек, как часто он ест рыбу и сколько раз в год получает онигири, остается за кадром. При этом у не критичного читателя газеты создавалась иллюзия сытой лагерной жизни, ведь он сам своими глазами видел на фотографии большое количество еды.

На рис. 18 за практически пустым столом сидят трое, явно смущенные вниманием фотографа: их не часто фотографируют. На рис. 19 — разительный контраст. Это помещение напоминает столовую санатория. Едоки сидят в белых рубашках за сервированными столиками. Видно,

что на столе у каждого несколько блюд, цветы. Из окошка раздачи выглядывают лица в белых масках, будто ждут — кому налить добавки. Серп и молот над окном раздачи будто символизируют, что столовая — кормушка для передовиков, для тех, кто усвоил идеи социализма. На каждом столбе висят транспаранты с лозунгами. Кажется, что где больше агитации, там и больше еды, которая сама становится агитационным средством власти.

Как поедают хлеб, изобразил Ц. Хисанага (рис 20). Мы видим крупным планом лицо человека в самый неподходящий, практически интимный момент, когда пленник остается наедине со своей пайкой. Когда глаза широко открыты, но ничего не видят. Когда человек весь прислушивается только к одному — к вкусу хлеба. Его беспокоит только одно — как быстро он закончится. Пленный держит свой кусок всеми пальцами обеих нагруженных рук. Его брови нахмурены, лицо сосредоточено на самом приятном за сутки — на наслаждении едой [Хисанага: 24]. Е. Гинзбург также помнила, как заключенные ГУЛАГа «ни на минуту не отвлекались от мысли о хлебе насущном, о царице Пайке. Ее нежат, холят, о ней тоскуют и спорят. Ее завещают перед смертью друзьям» [Гинзбург: 417].

И только на прощальном банкете, наконец, стол полон еды. Объектив фотографа в этот раз не лукавит, и мы верим изображению. Среди нарядно украшенного зала бывшие пленники сидят за непривычно обильными столами. Искусственность и принужденность их поз говорят и о невероятности ситуации — власти принимают их за людей, кормят как людей. Почему власти решили попрощаться так помпезно со своими бывшими пленными — в знак благодарности за труд? В знак примирения? Своих заключенных ГУЛАГа перед освобождением так не кормили. Это была символическая компенсация за годы голода? Видимо, это фотография 1956 г., на которой угощают высших офицеров, самую последнюю партию японских пленных. Как видно из документов ГУПВИ, перед репатриацией военнопленные жили во временном лагере 2–3 недели, не работали, с ними проводили усиленные политические занятия и их гораздо лучше кормили, чем в лагере. Так что пленные возвращались на родину немного отдохнувшими и подкормившимися.

2. ПИЩЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Как заметил С. Карнер, во всех лагерях ГУПВИ среди немецких и австрийских военнопленных примерно к 1949 г. сложилась особая «голодная культура» со своими нормами поведения. Так возник целый ряд стратегий выживания, экономии сил — например, специфическая медленная волочающаяся походка военнопленных, требовавшая наименьших усилий. Этот широко распространенный «шаг пленных»

определялся их физическим истощением и угнетенным душевным состоянием [Карнер:106]. Именно эта замедленная походка была одним из признаков крайней степени истощения узников, которых в ГУЛАГе называли *доходягами*, а в нацистских лагерях — *мусульманами*. Такая же «странная» походка, как будто «ноги мешают, точно к ним привешаны пудовые гири» [Яров: 35], отмечалась и у блокадников Ленинграда.

Пустая посуда — универсальный символ голода в разных культурах. Не случайно пустой котелок и ложка фигурируют на многих рисунках. Для японца котелок и алюминиевая ложка становились символом сибирского плена. Как видно из приведенных ниже цитат, пленные после работы могли приготовить что-то для себя, если находили дополнительную пищу. То, что приготовление еды, — особое арестантское наслаждение, отмечал В. Шаламов: ни с чем не сравнимое удовольствие приготовить пищу для себя, своими руками, и затем есть [Шаламов: 31].

Тысячи голодных людей обитали на небольшой огороженной территории. Денег нет, еды мало, а чувство голода нарастало. Что можно было сделать с телом, «таким голодным и таким моим»? Тысячи людей находили десятки разных способов борьбы с чувством голода — тактических и стратегических, большая часть которых была малоэффективна. Чем же отличалось лагерное поведение голодных людей?

Разговоры и мечты о еде. Когда царил голод, все разговоры были главным образом о еде. Говорить на кулинарные темы было первым делом голодающих. Обсуждались любимые блюда, рецепты, еда, которую готовила мама. Вспоминали любимые блюда в каждом лагере, «ежедневно рассказывался кем-то гастрономический рассказ, во всяком случае, не для улучшения аппетита, а из-за потребности голодного человека в возбуждении пищевых эмоций» [Шаламов: 84]. Мечты о любимой еде заполняли воображение и японских пленных. На карте «Ку» (1) также изображен такой мечтатель: сидя перед пустым котелком, человек вспоминает о большой тарелке с рисом, о вкусных соусах, якитори и сашими. Уэцухара подписывает рисунок: *утром, днем и вечером думаю только о вкусной еде. А в новогоднюю ночь пленник видит праздничный сон, ему снится sake* [Уэцухара «Кью» (1)]. Удивительно, но в лагере Такасуги этот сон Уэцухара стал явью.

Старший лейтенант Леонтенко, ведавший пищевым довольствием, был единственным в конторе членом партии.<...> Узнав от меня, что японцы торжественно отмечают не Первое мая, а Новый год, Леонтенко добыл к празднику очищенный рис, нашел среди пленных пивовара и, несмотря на запрет НКВД выдавать военнопленным спиртное, в нашем лагере на новогоднем столе была рисовая водка [Такасуги Ч. 1: 83].

Этот пример — исключение, а не правило. Правилom в лагере было постоянное чувство голода.

Мой друг бесконечно тосковал по вкусам родины, только об этом говорил и часто повторял, что когда наешься досыта, то можно и умереть. Он умер голодным, с пустым животом и во рту не было ни рисинки. Если я увижу тебя в том мире, я хотел бы сказать тебе: на, поешь, и протянуть большой онигири [Хисанага: 64].

На ужин нам обычно давали селедку и кашу из гаоляна. Каждый хотел, чтобы корка досталась ему. Твердую часть можно было дольше жевать, и она давала большее удовлетворение нежели мякиш. Я тоскливо думал о том, как в детстве в

Калифорнии мама мне готовила сэндвич, а я отрывал корку и съедал только мякину. Наша еда обычно состояла из вареной гречки, ржи, овса или иных злаков — такую еду в Японии обычно дают только скотине. Мы ели все без жалоб, предпочитая рис, к нашему разочарованию имевший консистенцию каши, так как его варили в слишком большом количестве воды, для того чтобы развести на большее количество людей [Iwao: 71].

Чувство голода, хотя и переживалось коллективно, но возможность наесться скорее была в одиночку. Ватанабэ повезло — он нашел чей-то тайник с рисом.

В один выходной мне повезло <...> я нашел немного риса и думал, как его собрать. Я сделал подобие из военной шапки и каждый день собирал рис, сушил его и ел. Об этом никто не знал. 10 дней я так питался. Через 10 дней, варил когда я собрал 3,6 кг риса, друзья узнали об этом. Мне достанется меньше риса. Но этот рис меня поддержал и укрепил мой организм [Ватанабэ: 215].

В лагере зеленой травы стало больше. Мы не давали ей вырасти. Мы съели всю траву. Я ел ростки с рисом, найденным у реки... У меня снова появились силы. Мои ноги уже не были свинцовыми. Мне кажется, этим летом все же смогу работать [Ватанабэ: 216].

В больнице медбрат раздавал рис. Врачам и себе побольше. Остальные больные солдаты смотрели на него. Каждый держал свою миску одной рукой, а второй искал на полу крупинки риса [Ооути: 57].

На обед нам дали только тонкий кусочек соленой семги и маленький кусочек хлеба размером со спичечный коробок. Его я уже съел вчера вечером. Варил рыбную кость, пока она не стала прозрачной и долго сосал семгу. Попробовал бульон. Иногда прихожу в себя и понимаю, что нахожусь в ситуации, подобной аду. Мне становится стыдно, но иначе никак не выживешь. Вспоминается китайская пословица — человек помнит о правилах хорошего тона, только когда достаточно одежды и еды [Ооути: 66].

Еда за услуги. Но одни мечты не кормят, и пленные пытались, как могли, мобилизовывать свои ресурсы, таланты и способности, чтобы утолить голод. Кто-то был готов попрошайничать, а кто-то был готов эту сценку нарисовать.

Пленный становится клоуном. После обеда дежурный конвоир показывал, как отбивать чечетку, и просил пленников повторить. Капрал Онодера из Токио вызвался и стал исполнять свою чечетку. Он выглядел как клоун, пока силы не оставили его. Мне предложили нарисовать его лицо. Выбора не было, мы делали такие вещи просто для того, чтобы на наших тарелках лежало чуть больше еды. Январь 1946 г. [Ёсида: 118].

Музыкант. Он хорошо играл на скрипке. Поэтому, когда русские его приглашали, он получал за игру кое-что и мог купить себе еду... Когда мы просили его сыграть, он никогда не соглашался, ссылаясь на хронический ревматизм. Но как только его просили сыграть русские, ревматизм проходил. С скрипкой в руках он убегал. Когда возвращался, его карманы были полны еды. Мы не могли дать ему вознаграждение, поэтому он нам отказывал [Хисанага: 66].

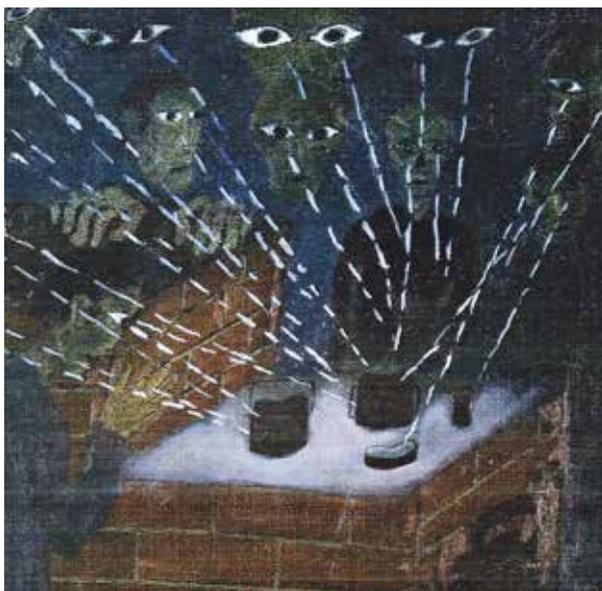
Говорят, речные раки полезны для здоровья. В горах зазеленела трава. В один хороший день нас послали на горную речку. Я поймал больше всех раков, поэтому японский врач дал мне два ужина. Я наелся [Ватанабэ: 214].

Младший офицер Танигути сказал, что уже наелся сахара, поэтому предложил пойти мне на завод вместо него. Я пошел. Советский начальник сказал, что нужны два крепких работника. Большинство пленных хотят сахар, но не хотят работать. Поэтому я и еще один вышли из строя. Нашей работой было грузить сахар

в вагон. В вагоне два советских солдата. Они не дали нам ни одного кусочка. Мы перетаскали много мешков сахара носилками. Работа была очень тяжелой. Но мы нашли в карманах советских солдат сахар. Этим мы шантажировали их, чтобы они нас угостили. *Советский солдат: Нет-нет. Сахар чуть-чуть поесть, понимаешь, японский.* — *Пожалуйста, дай маленькие кусочки.* — *Чуть-чуть сахара хорошо.* — *Смотри, мы скажем большому начальнику, что твое место в тюрьме.* — *Советский солдат: понял. Много кушай, японский солдат* [Ваганабэ: 278–279].

Справедливое распределение пищи становилось жизненно важным вопросом. Хлеб можно было измерить или взвесить. Что касается супа и каши, то из-за разных размеров посуды возникала задача: каждому положить равное количество было трудно. Именно это изображено на картине Ц. Хисанага (рис. 21). Мы видим, сколько пристальных взглядов обращено на котелок с едой. Как вспоминал Ивао Петер Сано,

один военнопленный, что имел два года фронтового опыта, был назначен руководителем раздачи еды, но долго не продержался, так как был разочарован размерами порций и тем, что не может выполнять свою работу хорошо. Чужая порция всегда казалась больше, классический пример того, что за изгородью трава всегда зеленее... Поэтому их же товарищ по фамилии Кондо, чья жадность возрастала и во время дележа пищи он становился невыносимым, громыхал: вы думаете я не знаю, что вы режете хлеб так, чтобы было как можно больше крошек, потому что вы их едите сами. С этого дня крошки тоже будем делить [Iwao: 72].

Когда давали кашу из гаоляна, были слышны такие разговоры: а, опять байкал. А у тебя гуще. Посмотри, у меня совсем байкал. «Байкал» означало, что в тарелке больше воды, чем каши [Като: 64].

Воровство. Бывало, что пленные забывали о морали ради куска хлеба, и тогда были способны на воровство. К воровству в особых обстоятельствах, например, на войне, невозможно применять оценки обычной мирной жизни. На фронтах Второй мировой войны советские солдаты и солдаты вермахта часто изобретали эвфемизмы. Так слово *украсть* исчезло из солдатского лексикона, как русские, так и немецкие солдаты заменили его на глагол *организовать/organisieren* [Лотман: 19]. Однако на передовой воровство было сродни солдатской удали и куражу, это были незначительные конфискации у мирного населения в пользу каждый день рискующих жизнями солдат, в конце концов оно оправдывалось конечной целью — победой любой ценой.

В лагере, если кто-то воровал, делал это тихо, в одиночку, испытывая муки совести. Унижение недостойным занятием было дополнительным испытанием для

пленных, выросших в категориях стыда. Спустя годы этот стыд вылился в публичное признание в рисунках и воспоминаниях. Д.С. Лихачев вспоминал лагерную еду на Соловках как «вечную готовку, ворованную картошку» [Лихачев: 78]. Не могли удержаться от воровства и некоторые японские пленники. На карте «Цу» автор изобразил голодного пленника, который *хотел украсть лепешку, приношение для покойника* [Уэцухара: «Цу» (2)].

Исходя из чувства справедливости, японский пленник дал пощечину другому, который украл чужую пайку хлеба. Октябрь 1945 г. [Ёсида: 92].

Утром обнаружилась пропажа хлеба. Оказалось, это бригадир нашей группы крал хлеб. Наконец мы поймали хлебного вора, все проснулись, а преступник отворачивался и прятался в тени. Охрана, которая обычно противостоит нам, в этот раз помогла нам и поймала его [Ооути: 85].

Недаром в ГУЛАГе сложилась поговорка «За кровную пайку смертным боем бьют».

А «уменье красть — главная северная добродетель во всех ее видах, начиная от хлеба товарища и кончая выпиской тысячных премий начальству за несуществующие, небывшие достижения» [Шаламов: 18]. В данном случае для В. Шаламова северная добродетель — это лагерная категория, воровство становится добродетелью, потому что все этические законы свободной жизни в лагере перевернуты. Японские пленные, если все-таки решались на воровство, то по большей части не чужой собственности, а общей, которая представлялась ничейной или предназначалась для скотины.

После работы за несколько минут до построения мы воровали электрические лампочки для того, чтобы сделать лагерь хотя бы немного светлее. Нам хотелось есть, и мы, проткнув мешок с рисом бамбуковой палкой, отсыпали рис, хотя много унести не удавалось [Киути: сайт].

Японского пленного поймали, когда он тайком пытался проглотить бобовый жмых, который были кормом для коров. Охранник бил его прикладом и ногами, снова и снова. Побои были жестокими. Неважно, что японские пленные кричали, умоляя о пощаде, избивание продолжалось. Мы видели избивание до смерти, но ничего не могли сделать. Мы потерпели поражение в войне. Мы страдали, но были бессильны. Январь 1946 г. [Ёсида: 110].

Написал об этом и Ивао Нисимура:

Работая на складе,

Ворую сою и рис.

Привык грызть их сырыми [Нисимура 2013: 36].

Возвращаясь в лагерь после работы, мы ежедневно должны были проходить досмотр. Это была проверка, чтобы мы не проносили какую-либо пищу, украденную с места нашей работы. Если такую пищу находили, ее немедленно конфисковывали и накладывали физическое наказание. Несмотря на это, некоторым все же удавалось тайком проносить пищу. Так что досмотрам не было конца. Январь 1946 г. [Ёсида: 114].

Работа на складе. Все хотели работать на складе, потому что там можно есть пшеницу, бобы, иногда даже сахар. Мы завязывали края брюк и сыпали туда пшеницу, бобы и рис [Ооути: 108].

С материка на корабле привозили на Сахалин продукты и материалы с расчетом на год. Разгружали японские пленные. Надо нести сразу два мешка на спине, поэто-

му надо есть больше, чем обычно. Корабли подходят один за другим, нет передышки. У нас был спецпаек, но нам больше помогало то, что мы находили сами [Ооути: 106].

Военнопленные страдали от голода, но также от стыда — потому что при возможности они присваивали продукты. Гложет стыд от несправедного дела, страх, что охранник поймает, и позор будет очевидным, и ждет наказание, но голод не дает возможности отказаться от заманчивой возможности что-то съесть.

Я пил много воды и делал вид, что иду облегчиться, а сам выносил сахар. Один кусок я бросил незнакомому прохожему. Он мне бросил сигареты. Всех досматривали. Но нас не проверяли. Поэтому мы смогли полный мешок сахара принести в лагерь [Ватанабэ: 280].

Пленный Я. пытался украсть мешок муки. Его арестовали. С. и О. украли консервы. Их судили и посадили. Я. дали 20 лет, а С. и О. по 25 лет тюрьмы. В СССР наказывают похитителей общественной собственности строже, чем убийц [Ооути: 130].

После работы на продуктовом складе в лагере был очень строгий досмотр. Поэтому украденное мы не могли пронести. Мой друг работал на складе, он был физически слабым, поэтому всегда работал там. Мы договаривались, в каком месте он спрячет продукты, а я их оттуда забирал [Ватанабэ: 234].

Как уже было сказано, в ГУЛАГе было ровно наоборот: кража любого лагерного имущества — от пайки хлеба до детали от локомотива — не только не считалась зорной, а была вполне естественной и вызывала только восхищение и зависть. «Так думал я и тогда, так думаю я и сейчас. Такой хозяин, как ГУЛАГ, не имеет права рассчитывать, что его рабы будут блюсти его интересы в ущерб себе» [Разгон: 222].

Попрошайничество. Люди не могли справиться с невыносимым чувством голода и оставляли культурные нормы в прошлой жизни. На грани жизни они позволяли себе переступать правила приличия, если была возможность добыть хоть что-то съестное.

В школьном дворе стоим на августовской жаре
В очереди спросить остатки еды
У советских солдат [Нисимура 2004: 2].¹⁰

Хлеб выдавали по весу и иногда давали как довесок маленький кусочек хлеба. Если просили русских дать немного хлеба, то давали половинку. Я завидовал тем, кому дали, но сам не мог попросить [Ватанабэ: 309].

Во время патрулирования некоторые русские жевали листья капусты, которые брали на кухне для японских солдат. Голодные японские пленные просили у них капусту. Кто-то не обращал внимания, а некоторые порой угощали. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 94].

---

10 В лагерях для интернированных японцев и американцев японского происхождения, организованных в Калифорнии и Техасе в 1942 г. после атаки на Пирл Харбор, в столовых также было принудительное меню. Но людей раздражало не только однообразное меню, но и то, что оно было бесплатным как подачка [Takezava 87]. Лагеря в Калифорнии были намного гуманнее ГУЛАГа, но нахождение в них стало травматичным для многих интернированных и потребовало долгих лет осмысления, общественного движения «Redress», пока правительство США в 1978 г. официально не извинилось за события тех лет.

Хитрости в приеме пищи. Но и ту лагерную еду, что выдавали ежедневно, тоже не все съедали одинаково. Внимательный к поведению солдагеров Моринари Ооути записал разные пищевые привычки, приобретенные в лагере. Один человек любит наблюдать во время еды, как едят соседи. Если в их котелках оставалось больше еды, он останавливался и ждал, пока у него не окажется больше. И когда у него оказывалось больше еды, в этот момент он был счастлив. Другой собирал рис в банке, а потом делал лепешки *мочи* и ел. Третий любил считать рисинки. Кто-то предпочитал варить из риса кашу, в этом случае получалось большее количество. Некоторые пленные начинали еду с супа, а потом не спеша смаковали рис.

Были и другие хитрости. Например, один пленный организует группу. Первый забирает себе из всей выдаваемой еды только рис. Второй — только хлеб. А третий — только суп. Потом они меняются. Это делается для того, чтобы хоть один раз наесться. Кто ел хлеб или рис, могли наесться, а третий только ходил в туалет [Ооути: 75–76].

Один человек не ел хлеб шесть дней и в воскресенье получил сразу семь кусков [Ооути: 96].

Как выясняется, Моринари Ооути иногда и сам мог пересчитать все рисинки и все бобы, которые получал в обед. Видимо, пересчет своей еды, которую еще предстоит съесть, был приятным занятием. *Вечером нам дали 140 рисинок и 108 бобов* [Ооути: 43]. Ивао Питер Сано вспоминал, как *перед едой каждый пересчитывал свои крошки* [Sano: 72]. В блокадном Ленинграде также известны примеры голодной арифметики, когда пересчитывали количество макарон перед тем, как их съесть [Яров: 47].

Есть люди, которые готовы отдать завтрашнюю долю в залог и получить сегодня больше еды. На следующий день они возвращали долг меньшим куском, будто такой они получили. Иногда бывает, что человек, который получил свою долю за залог на три дня вперед, не может его вернуть и прячется.

Мы ели хлеб медленно, так долго как могли. Одни разрезали его на маленькие кусочки, жарили или варили, или съедали половинку и остальное откладывали. Но почти все съедали сразу, если приступаешь к еде, трудно остановиться [Ооути: 86].

Этот комментарий: ели так медленно, как могли — перекликается с множеством подобных описаний в дневниках блокадных ленинградцев. «Медленное поглощение еды — не только от истощения, но и от жгучей потребности продолжить миг наслаждения до бесконечности, в надежде, что это ежеминутное, ломающее все и вся чувство голода отступит» [Яров: 41].

Полуголодным пленным изредка выпадал шанс наесться вдоволь. Эти редкие случаи запомнились надолго.

Все пленные могут съесть очень много, если им только дать столько пищи. Например, один пленный за час съел 3,5 кг черного хлеба и целый котелок овсяной каши [Ооути: 108].

Был человек, который пил чай по три банки после еды. Но если посчитать в целом суп, чай и другую жидкость, получается около литра [Ооути: 119].

Мне дали хлеб. Это мечта всех пленных. Поэтому я не делился с товарищами, а съел сам и наелся. Но невозможно съесть больше определенного количества. Мой желудок не безразмерный. Первая часть показалась очень вкусной. Вторая часть

— не очень вкусная. Третья часть — как земля. Последнюю часть не смог доест [Ватанабэ: 310].

Сахарный завод. Ел и переел. Советский солдат: нам сказали, что если куришь, то можно съесть больше. Это правда. Потом нам сказали, что если пить воду, то можно больше съесть. Это тоже правда. *Никто не мог украсть сахар с этого завода, но мы много украли. Вы похожи на Исикава Гомон. Вы молодец. Я съел 1 сё сахара. Мое лицо онемело* [Ватанабэ: 280].

Сержант Х. поменял звездочку с погон на хлеб. Некоторые охранники хотели иметь маленькую металлическую звезду на погоне. В прежнее время эти звезды были знаками достоинства, а теперь их можно поменять на хлеб [Ооути: 111].

К теме хлеба я еще вернусь в параграфе о дележе хлеба. Но кроме риса и хлеба важным продуктом для всех лагерников в СССР была селедка.

Нам дали селедку вместо зарплаты. Селедка была червивая, но никто не обращал на это внимание, и мы съели все [Ооути: 96].

Голодали не только военнопленные, но и советские люди. Такесуги упоминает офицера Красной армии с погонами старшего лейтенанта, который просит милостыню у военнопленного [Такесуги. Ч. 1: 82]. XX век принес иные войны, победа в которых не означала обогащения населения страны-победительницы, как это было в локальных войнах предыдущих эпох.

Когда советские рабочие узнавали, сколько получают японские военнопленные для пропитания, они с завистью говорили: о, у вас положение лучше, чем у нас! [Като: 80].

Наш пекарь Риюкей и его помощники из-за слабого телосложения и здоровья не могли работать под землей, но трудились весь день у печи с большим удовольствием. Наша пекарня была такой большой, что появилась возможность снабжать вкусным хлебом не только военнопленных японцев и конвоиров, но и русских жителей округи [Ёсида Ю.: сайт].

Местным жителям надолго запомнилось, что ели японцы и как они их угощали. Вот несколько свидетельств местных жителей, записанных спустя полвека.

В Елабуге 1947 год был очень тяжелым. Был голод, а в нашем районе выдался неурожай. Рабочим давали по 400 г хлеба и больше ничего: живи как хочешь. Поэтому народ и крапиву собирал, на луга ходил, дикий лук ел. А военнопленных японцев кормили очень хорошо. Когда я приходил к ним в столовую следить за порядком, видел, что им давали первое (суп), потом второе (капуста, лук, каша). Русской традиции еды японцы не понимали. У нас ведь как: сначала первое жиденькое поешь, а потом второе: мясное или еще что-нибудь. А они это все смешивали в одной чашке и ели [Сафина: сайт «Уроки истории»].

А вот свидетельство Н.Р. Лисицы, работавшего с пленными на «Амурстали».

Японцы работали медленно, с остановкой на обед. Один из них в течение всей смены занимался подготовкой пищи. На территории завода тогда были еще большие заросли деревьев и кустарников. Были и болота. Японцы в них ловили змей, лягушек, кузнечиков, а их повар готовил им эту еду на костре. Приглашали японцы к обеду и русских рабочих. Но, несмотря на то, что те нередко бывали полуголодными, такое угощение никто не решался попробовать [Кузьмина: 33].

3. КРИЗИСНАЯ ЕДА

Под кризисной едой я подразумеваю то, что использовалось в качестве пищи в кризисной ситуации, но что в обычной жизни как еда не рассматривается. Только в экстремальных условиях пищевые отходы, испорченная еда, помои, падаль, неизвестные дикие растения, пища для животных, грязная вода и даже экскременты могут пойти в пищу.

Проблемы с питанием и качеством воды начались почти сразу же после пленения.

Грязная вода. Чистая питьевая вода — условие нормальной жизни. В трудные времена питьевой воды бывает мало, и она на вес золота.

По дороге в Сибирь, устраиваясь на ночлег, мы были озабочены поисками еды, воды и огня. Только река была, по которой плыли многочисленные **гнилые трупы**,¹¹ так что, черпая воду, мы должны были закрывать глаза. Мы не могли сетовать на то, что вода была грязная. Сваренный рис был вкусным, и не имело значения качество самой воды. Начало сентября 1945 г. [Ёсида: 60].

Если сильно наступить на землю ногой, то вытекает **красная вода**, которая вытекает только в тундре. Если место работы далеко от реки, мы пьем эту красную воду [Ооути: 115].

Собирали **горячую воду с трубы**, добавляли соль и пили. А потом **часто ходили отливать**. У нас уже не было сил, и мы часто падали. Трудно было подниматься по лестнице [Ооути: 49].

При скудном питании многие солдаты, пытаясь подавить постоянное чувство голода, добавляли в котелок с супом **снег** [Като: 89].

В ход шел даже **спирт из банок с заспиртованными змеями** [Ооути: 31].

Еда животных. Когда голод настойчиво требовал пищи, то в голову приходили разные идеи, и одна из доступных, видимо, была идея позаимствовать еду у животных, особенно у тяглогового скота, который кормили регулярно.

В конюшне было темно, свет был очень слабый... В углу стояли четыре большие бочки с капустой и наполовину сгнившей картошкой. Мы стали сортировать и набили свои карманы **относительно хорошей гнилью**. Затем мы прошли в маленькую комнату в углу сарая, где ночью спал конюх. В печке горел огонь. Жуя капусту, мы счищали гниль с картошки и бросали ее в огонь. Хорошо, не правда ли? — сказал Ясунага, с видимым удовольствием от капусты. Я никогда не думал, что буду есть нечто подобное, но что нам остается? Я тоже никогда не думал, что буду есть **конский корм**. Но листья капусты и **подгнившая** картошка казались деликатесами для таких пленных, какими мы были [Iwao: 74].

Японские пленные, которые работали с лошадьми, украли **овес и гаолян**. Мы жарили это и ели. Если плохо жарили, у нас бывали запоры. Сотне лошадей тоже не хватало корма. Они, как и мы, голодали. *У меня проблема. Я сажу уже час, и ничего не выходит.* — *От овса не погибнешь. Надо смелее пальцем ковырять* [Ватанабэ: 258].

Как-то пилили дрова для русской казармы, **собака** нашла рыбки кости. Охрана пыталась прогнать собаку, но она съела все. Жаль, я хотел сам съесть [Ооути: 64].

На карте «Ха» мы видим, как двое пленников несут что-то тяжелое в корзине. *И гаолян, и лошадиный корм* — *тоже наша еда* [Уэцухара «Ха» (1)].

11 Выделено автором — Э.-Б. Г.

Лошадей увезли, и это означало, что мы потеряли источник порченных овощей, с помощью которых мы могли облегчить голодные боли [Sano: 33].

Пленные пили **талую воду, приготовленную для лошадей**, подсаливая. Поэтому их лица отекали [Iwao: 76].

Сильные эмоции спустя годы прорывались на страницы скупыми поэтическими образами.

Ем суп и вижу
отражение своих глаз в тарелке.
На дне миски — маленькие мухи [Нисимура 2004 а: 4].

Дикорастущие растения. Японская модель питания существенно отличалась от русской и предполагала разнообразное использование дикорастущих растений. Эта специфика японской кухни, а также крестьянские навыки помогали искать «подножный» корм.

Все вокруг нас казалось едой. Во всей округе, где были японские военнопленные, почти **все сорняки** были **съедены**. Я не знаю, было ли это связано с недостатком витамина С, или мы просто хотели есть все, что было можно. Август 1946 г. [Ёсида: 180].

Наступила весна, как много собрал я диких *гобо* и *аказа* (**лопухов и лебеды**). Время *домой* уже недалеко [Такэути: 157].

Едва на полях появилась первая зелень, питание наше стало более разнообразным. Когда мы выходили на работу, все норовили по дороге сорвать **листья аралии**, выкопать **луковицы лилии**, **корни** различных полезных **растений**... Некоторые сушили их над печкой, другие отваривали, третьи ели сырыми, добавляя соль [Като: 64].

Шен Нунг, божество сельского хозяйства в китайской мифологии, пробовал все растения и оценивал, что съедобное и что ядовитое. Так же вели себя и мы, искали **дикие травы**, которые можно было съесть... [Казуки: 66].

Отравления несъедобными дикорастущими растениями в незнакомой географической зоне были неизбежны. Действительно, отравления с летальным исходом не были редкостью. Так, генерал-лейтенант М.С. Кривенко и Б.З. Кобулов сообщали министру МВД СССР С.Н. Круглову об инцидентах в лагере № 34 Красноярского края: семь случаев отравлений 20–24 апреля 1946 г., в 4-х случаях — смертельный исход из-за употребления ядовитого растения «век ядовитый», которое было обнаружено в карманах японцев. Оставшиеся в живых признались, что это растение они употребляли, предполагая, что это японские овощи «гобо» [Военнопленные: 396].

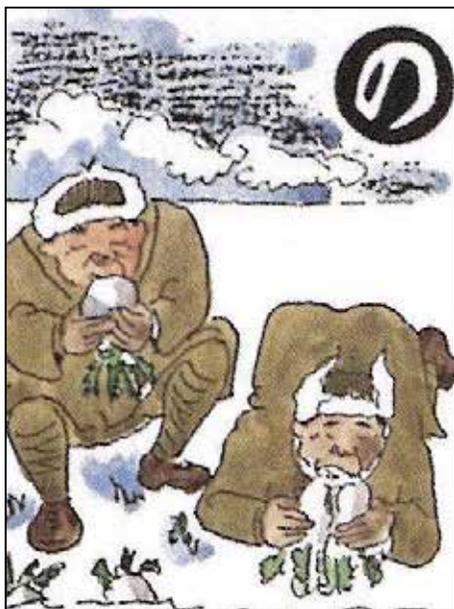
Внезапно японец Нохара Кокичи из моей бригады начал бледнеть и покрываться пятнами. Из рта у него пошла зеленая пена... Долгое время он находился в бессознательном состоянии. Вокруг него суетились военные врачи, японцы и русские... Врачи мучились над диагнозом, потом решили, что это отравление. При осмотре его вещей в кармане нашли небольшой, размером с большой палец, белый корень, по виду напоминавший аралию... Если его съест человек со слабым здоровьем, он может умереть... Позже прошел слух о том, что Нохара умер в больнице в Братске [Като: 57–58].

Охранник предупредил нас, что эти **ягоды ядовиты**. Но раз их едят насекомые, значит и человеку можно. Ну как, вкусно? Если вкусно, то дай мне [Ооути: 100].

Дикие травы были для нас источником витаминов. Чаще всего мы ели **дикий шпинат**. Он давал нам витамины и позволял хоть как-то наполнять желудки. Еще была **дикая ядовитая морковь**. Многие из нас сильно болели от нее. Мы называли ее «безумной морковью». Но, даже сильно рискуя, мы вынуждены охотиться за морковью, чтобы избавиться от вечного чувства голода [Такеда: сайт].

Собирали грибы, похожие на **мухоморы**. Варили в банке с солью, было вкусно. Пленные из лагеря № 28 на р. Вихоревке, собираясь бежать, планировали питаться в дороге тем, что легко можно найти — «много разных корней, **сосновые шишки**, дикий лук, аралию, горный лопух, березовый сок» [Като: 62].

На карте «Но» (1) мы видим, с какой жадностью поглощают голодные люди зелень — прямо с грядки, встав на четвереньки. *Свежими овощами обедаем в огороде* [Уэцухара «Но» (1)] (рис. 22).

Мы съедали все, что можно было съесть — **траву, корни капусты, полынь горькую и листья кукурузы** [Ватанабэ: 169].

Что вы едите, это съедобно? — Дровесный гриб. Это похоже на резину. На ветке бывает мох, он похож на лапшу. — Наверное, это несъедобно. — Я нашел высушенные грибы. Наверное, съедобно [Ватанабэ: 192].

Мы собирали **орехи**. Вкус орехов напоминает арахис. Если съесть полный карман орехов, сразу начинается запор [Ооути: 103].

Японские пленные собрали все зеленые съедобные горные травы и съели. Советские солдаты строго проверяли, чтобы мы не пронесли в лагерь эту траву, но японские пленные все равно ее как-то пронесли. *Эти травы нам неизвестны. — Но лошади их едят, значит съедобно. Вкусно или невкусно — для меня не проблема. Просто хочу наестся. — Советские солдаты быстро проверяют — нет, нет.*

Охранник: у вас есть трава? — Охранники не знают, что мы прячем траву в дровах [Ватанабэ: 217].

Около асфальтового завода растут **одуванчики**. Мы собрали их и хорошо поели. Сначала сварили в воде, потом оставили на ночь. Вкус их похож на шпинат, но у нас не было соли и поэтому мы ели, как лошади [Ватанабэ: 287].

Когда находили бодяк (татарник) или грибы, сразу съедали. Когда голодный, все можно съесть [Ооути: 96].

В горах нет ничего съедобного. Поэтому мы варили **чернобыль** и **японскую липу**. В котелок положил листья, налил воду и добавил банку из-под сала и каши. Живот пленного всегда пустой и большой, как у ребенка. Мы называли его: живот с дикорастущими травами. Прошло с тех пор столько лет, но, вспоминая об этом, чувствую гнев [Ватанабэ: 233].

Уже осень, тайга густая. И ветер, и дождь сбивают желуди. Мы жарили их, но с вяжущим вкусом не могли ничего поделывать. Мы нашли **желуди в норе полевой мыши**. У желудей из мышиной норки яблочный вкус. *Русский: ёб твою мать, не кушай, японский солдат. — Японец: не могу терпеть голод* [Ватанабэ: 238].

В горах повсюду был хороший урожай. **Виноград, актинидия, грибы, шишки**. Мы готовились к приближающейся зиме. Мы похожи на медведей, готовящихся

к зимовке. *Эй, быстро, ебена мать! Японский солдат: я подумал, что продукты надо прятать под одеждой* [Ватанабэ: 242].

Как-то мы нашли огромный **гриб-призрак** диаметром в 30 см. Мы его сварили целиком в котелке и поделили. Получилось два блюда у обоих, хотя приправа только соль. Но для нас это превосходное лакомство [Хисанага: 44].

Пищевые отходы. Русский повар выбросил **остатки каши** в снег. Пока охрана не смотрит на меня, быстро подберу. Замороженную кучу спрятал под одеждой. Когда вернулся в барак, растопил и съел. Как вкусно [Ооути: 65].

Мы нашли **рыбью голову**. Можно вкусно поесть с солью. *Вкуснее сашими. Дай еще один кусок. Не могу. Где ты нашел? Около работы. Там есть столовая, иногда выбрасывают рыбы головы* [Ооути: 71].

Обнаружили **картофельную кожуру**. Она была замороженная, во льду. Лед разбили ботинками и кожуру спрятали в карман. Если это не яд, все равно съедим [Ооути: 65].

Рядом с дорогой мы нашли **соевый жмых** и **рассаду**. Наелись. Эти продукты советские люди украли и спрятали [Ватанабэ: 273].

Стыдно вспоминать это, но японские пленные кидались к любимым **остаткам овощей или рыбы, говяжьих или свиных костей, брошенных** по краям дороги. Сейчас трудно представить, как мы это делали. Это действительно опустошающий опыт. Несмотря на то, что мы все знали, что советские солдаты смеются издала над нами, подобрав что хотели, мы всячески гордились этим перед остальными. Как стыдно! Это было более чем унижительно. Январь 1946 г. [Ёсида: 124].

Около стройки было картофельное поле. Мы нашли **мерзлый картофель**. Мы пилили кожуру и пекли картошку, она похожа на клецки [Ватанабэ: 311].

Падаль. Советский офицер застрелил **собаку**, которая забрела в лагерь, и приказал ее закопать. Ночью мы ее раскопали, принесли в наш барак и сварили. Для вкуса могли добавить только соль, но очень вкусно. Нас увидел охранник. Кажется, он тоже хотел есть, но мы ему не предложили. Наверное, из-за этого он донес, и следователь из чужого поселка арестовал Накамуру и посадил его в бомбоубежище. В нашем бараке провели дезинфекцию [Ватанабэ: 315].

От нехватки корма лошади околевали. Наша кража овса этому способствовала, но нам тоже не хватало еды. **Павших лошадей** бросали там же, в снежном поле. Как-то мы топором разделали туши лошадей и принесли в лагерь, **как грифы**. Охранники видели нас, но мы скрывали, чем занимаемся. Позже у некоторых появилась аллергическая сыпь, крапивница, но мы смогли скрыть причину [Ватанабэ: 259].

Кто-то нашел **околевшую лошадь**, принес это мясо и спросил: кто-нибудь хочет поменять 3 кг мяса и 100 иен на часы? [Ооути: 55].

Мадам из магазина держит одну свинью, которая принесла 13 поросят. Поросята съели все наши желуды, поэтому мы их невзлюбили. Несколько поросят **околели**, их тушки замерзли. Один японский пленный утащил 5 или 6 тушек. Мы сварили **целого поросенка**, и кажется, что самая вкусная часть — голова. Я думаю, что тогдашний наш менталитет был как у собаки [Ватанабэ: 260].

Бригада по уборке города нашла в снеге **свинью**. Непонятно, кто хозяин. В этот вечер мы наелись [Ооути: 115].

Живность. Как и во многих лагерях, военнопленные съедали всю живность вокруг. Местные жители до сих пор помнят, как японцы ели то, что не приходило в голову им, например, «выловят всех **лягушек**. А потом на костре этих гадов пожарят и нас еще зелеными лапками угощают» [Сажнева: сайт].

При строительстве на дороге мы нашли **змею** — восточный щитомордник. Она уползла под дерево, один ее отбил рукой и змея ужалила его в большой палец. Мы перевязали ему палец. И когда снова копали землю, нам попало шесть змей. Нас, людей, 13, по змее на двоих. Мы кричали от страха и одновременно снимали кожу, а наш товарищ сказал: если я даже умру от яда, все равно съешьте змей. И сам тоже быстро съел не до конца прожаренную змею. В Японии он был шахтером, великолепный человек. Вместе с советским солдатом он вернулся в лагерь, врач осмотрела его, и он неделю отдыхал. Но 2–3 дня в глазах у него туманилось [Ватанабэ: 244].

Одним холодным днем японские солдаты обнаружили **летягу** и попросили советского солдата подстрелить. Все шумно гоняли ее. Я сказал моему товарищу Хатакияма: перестань гоняться за летягой. Пусть будет, как будет. Летяга прилетела ко мне на руки. Хатакияма сказал: Вы как бог. И дал мне одну ногу летяги. Вкус похож на конину [Ватанабэ: 251].

Разгрузка вагона рыбы. *В мешок положим. Что за рыба? Ой, соленая.* В полночь на вокзале Ворошилова разгружаем вагон рыбы. В темноте мы ели **сырую рыбу**. Это была скумбрия. Нам разрешили по одной рыбе взять домой. Женщина из охраны нам не верила и не пускала домой. Мы ей дали 5–6 рыбин и после этого пошли домой [Ватанабэ: 285].

В других воспоминаниях упоминается, что шли в пищу также крысы, лягушки, змеи, кошки и собаки [Igarashi 2005: 110].

Надо отметить, что ситуация у заключенных ГУЛАГа была иная. Их не выпускали на работы за территорию лагеря без конвоя — они не могли заработать или попросить что-то у местного населения. Кроме пайки не было ничего. Конечно, съели бы и летягу, если бы она попала к ним в руки. Как известно, В. Шаламов «справедливо упрекнул» А. Солженицына после публикации «Одного дня Ивана Денисовича»: «И что еще за больничный кот ходит у вас там? Почему его до сих пор не зарезали и не съели?» [Архипелаг ГУЛаг, Ч. III: 200]. Вокруг лагерей ГУЛАГа обычно никакой бесхозной живности не водилось. Воры могли сварить и кошку, и пса. В рассказе «Выходной день» В. Шаламов описывает, как блатные в его бараке угостили священника оставшейся после ужина «не баранинкой, а псинкой» [Шаламов: 105].

У грани человеческого. Нечеловеческая еда была близка к экскрементам.

Сибирские лошади маленькие, но обладают большой силой и хитрые. Их мерзлый навоз очень похож на картошку. Сибирская картошка мелкая и цвета «конских яблок». Голодным пленным все время видится, что навоз — это картошка. *Мороз. Картошку сварили, а оказалось навоз* [Сато: 27].

Трагикомичные казусы описывались в японской мемуаристике не раз, вот две истории.

Мы возвращались после дневной нормы. Уже стемнело. Земля была покрыта тонким слоем наледи. Наша группа маршировала строем через ворота по пять человек в ряд. Я увидел, как нескольких человек быстро наклонились к земле. Шагающий рядом со мной сказал: смотри, мороженная картошка на земле. Должно быть, упала из кузова машины, что привозила продовольствие в лагерь. Я подхватил два — три замороженных темных комка и, не теряя шага, вместе со всеми подошел к баракам.

Мы, как пришли, ринулись к печке, работающей на угле, с металлическим листом в два кубических фута площадью сверху. Люди собирались вокруг, пытались высушить свою мокрую обувь, носки и перчатки. Некоторые грели воду во фляж-

ках, в это время несколько счастливиц готовили подобранный вечером картофель. Я тоже поместил свои драгоценные холодные темные комочки на горячий лист и смотрел, как они готовятся. Как только печной огонь растопил их, мои «картошки» стали проявлять свой настоящий цвет. Ошибки быть не могло: это был конский навоз [Iwao: 75].

Этот же сюжет нарисовал Уэцухара на карте «Хи» (1): нашел на дороге картошку, а оказалось, что это лошадиный помет. Как правило, мемуарный текст о нечистотах спустя годы несет оттенок самоиронии.

В лагере было принято: днем тайком подбирать продукты (замерзшую картошку, просыпанную крупу на улице и т.п.) и варить в своей кастрюле перед ужином, которым мы никогда не наедались. После работы стали тушить мерзлую картошку, которую нашли во время работы на улице. Когда кастрюли нагрелись, всем сразу стало понятно, что кто-то тушит навоз вместо картошки. Так как на улице было темно, их часто путали.

И вот один японец поставил свою кастрюлю, наполненную кашей с несколькими картофелинами... Когда всем стало ясно, что у него в кастрюле варится не каша, он пошел на улицу выкинуть. Но он был до того голодный, что не мог выкинуть картошку, варенную в говне. Жалко выкидывать еду. Он сделал вид, будто выкинул все. Но потом оказалось, что он подобрал картошку, хорошо ее промыл и съел, еще пахнущую говном.

Все смеялись над ним: то он вонючий, то он жадный. Но все, в том числе автор, знали, что на его месте они сделали бы точно так [Miura: 153–159].

Приведенный отрывок отсылает нас к роману В. Сорокина «Норма», в котором развивается метафора говна как идеологии КПСС, и мы видим, как в романе безропотные советские люди потребляли ежедневную норму, приспособив специфический ингредиент к своему ежедневному рациону.

Примерно этого добивались руководители страны, использовавшие голод как мощное оружие власти — вытеснить человека за пределы культурной нормы человеческого сообщества и тогда его будет легко использовать на тяжелых работах.

Канибализм. Люди, поставленные в нечеловеческие условия, вынужденные выполнять нечеловеческую работу, жестоким образом проходили экзамен на человечность. Им невероятно трудно приходилось жить и работать с постоянным чувством голода. Как признавался Ё. Уэцухара, *потерявшему чувство стыда и забывшему о репутации кажется, что женская плоть выглядит как мясо* [Уэцухара: «Ха» (2)] (рис. 23).

Некоторые не смогли пройти испытания голодом достойно. Профессор К. Като, предельно откровенно описавший нижеследующий эпизод и чувства, которые он вызвал, отказался от него во втором издании своей книги на японском языке.

Антонов дернулся и резко спросил: разве японцы едят мясо своих соотечественников? Удивленный лейтенант Йосимура быстро ответил: не шутите так, они, видимо, живы <...>

Это было ужасное зрелище! У одного убитого оказалась обожженной вся левая половина, у другого — часть головы. Эти двое были в одежде. Третий, без следов ожогов, лежал с разможженным затылком — здесь, видно, не обошлось без топора. В верхней части его ног кожа была аккуратно снята, а мясо срезано каким-то острым предметом. Куски этого мяса были разложены тут же на палатке. По размеру и толщине они, грубо говоря, напоминали бифштекс. Часть мяса лежала в котелке. По своему красно-черному цвету оно напоминало конину. Стало ясно, что мясо срезано с трупа Танно. Увидев все это, я, наконец, понял, о чем говорил капитан Антонов два часа назад. Мне показалось, что я нахожусь в аду. Было ужасно стыдно, что я живу в этом мире и на этой земле...

Командир взвода конвоиров рассказал нам о том, что же все-таки произошло <...> У костра сидели только двое... Оказалось, что третий лежит в луже крови. А куски его мяса лежат рядом на тенте. Командир конвоя понял, что эти двое убили своего товарища, чтобы съесть... Для Намикава и Миано Танно был коровой или ягненок...

Ни с чем по жестокости нельзя сравнить людоедство [Като: 30].

Кариуки Сейдзи также признавался, что ему доводилось есть человеческое мясо в лагере в Приморском крае [Igarashi 2005: 111]

Случаи каннибализма встречались в истории русской каторги и ГУЛАГа: «корова» как «человек, предназначенный на съедение» [Росси: 118] во время побега, встречается в русской литературе. Описывает случаи каннибализма Е. Гинзбург [Гинзбург: 422], В. Шаламов упоминал лейтенанта Свечникова, уличенного в том, что он «ел мясо человеческих трупов из морга, вырубив куски человечины», «не жирной, конечно», как он совершенно спокойно объяснял [Шаламов: 110].

В немецких лагерях военнопленные бойцы Красной армии также оказывались за этой чертой, только в Бобруйском шталаге за каннибализм было расстреляно 28 человек [Полян 2002: 228]. Зафиксированы аналогичные случаи и в японской армии на Тихом океане. Бывший японский участник одной из операций на Тихом океане вспоминал: Я слышал выражение *белая свинина* и *черная свинина*. Это мясо американца и мясо австралийца. Так на о. Гвадалканал срезали мясо с ягодиц и верхней части ног и варили в котелках [Д/ф «Ад в Тихом океане». Продюссер Джонатан Льюис].

Девياции в человеческом поведении оказались возможными среди разных этнических групп, но эти примеры исключительны, и подавляющая часть пленников не могла ни понять, ни принять самого явного нарушения человеческой морали.

Что касается лагерного опыта подавляющего большинства японских военнопленных, то, как мы видим, можно было нечеловечески голодать, питаться кормом для животных, но оставаться и остаться человеком.